

Наумов
репо

9 ФЕВ 1985

Культура
г. Москва

1985
9 февраля

Экспедиция за павлином

На X Международный фестиваль в Индии наша страна представила на конкурсный показ картину «Жестокый романс». Меня как постановщика фильма включили в состав делегации. Честно говоря, уезжать не хотелось. Было трудно оторваться от доброжелательной дискуссии по поводу экранизации классики. Лестно было, что и нашу ленту в этой ученой полемике заметили, не обошли вниманием. Не всякая картина может похвастаться таким интересом со стороны литературоведов. Статьи хотелось читать еще и еще, запоминая особенно удачные выражения и формулировки. Однако долг обязывал, и я, сделав необходимые прививки, уехал.

Конечно, когда тебя посылают на кинофестиваль, хочется, чего греха таить, получить приз. Хотя какой-нибудь, хоть самый завалящий. И в этом желании нет ничего дурного. Но чаще случается так, что награды уплывают в другие руки. И тогда, чтобы не сильно огорчаться, находишь утешение в том, что совершил интересное путешествие, посмотрел новую страну, познакомился с ее жителями. И со смешанным чувством уезжаешь с фестиваля восвояси, стараясь не попадаться на глаза его участникам. В моей биографии такое бывало...

Кинофестиваль в Дели проходил во Дворце науки — одном из крупнейших залов столицы. В конкурсной программе принимали участие все крупнейшие кинематографические державы мира, а представители этих стран образовали компетентное жюри...

Меня попросили, чтобы перед премьерой «Жестокое романс» я сказал бы со сцены несколько фраз. Я, конечно, мог произнести вступительное слово с помощью переводчика, но я отлично понимал — прямой контакт с аудиторией более выигрышен. И я вышел на сцену один. Без переводчика. Ощущение у меня было такое, будто я с высокого моста собираюсь сигать в реку. Ибо английский язык я знаю еще хуже, чем итальянский, который я знаю совсем уж плохо. Но авантюризма мне не занимать.

— На иностранном языке, — начал я свой спич по-английски, — надо говорить или блистательно, или очень плохо. Я выбрал второй путь.

Эту мою откровенность зал встретил дружелюбно. А поскольку всей последующей лексикой, нагромождением ошибок и чудовищным акцентом я подтвердил свой первоначальный тезис, так сказать, не обманул публику, она, видимо, осталась мной довольна.

Участники фестиваля и пресса приняли нашу картину тепло, сердечно. Я думаю, добрый прием можно объяснить только одним: ни зрители, ни журналисты, скорее всего, не читали оригинала, по которому была сделана экранизация, и вследствие этого не догадывались о том самовластии, которое я учинил над классической пьесой. Кроме того, они не подозревали о филологическом урагане, бушевавшем на страницах газет. Рецензенты и гости фестиваля оценили ленту саму по себе, наивно полагая, что, если версия удалась, значит, это случилось благодаря первоисточнику.

Вокс, члены международного жюри, кроме режиссера Владимира Наумова, тоже не читали «Бесприданницу» А. Н. Островского. А Наумов, надо думать, скрыл

от коллег мои неблагоприятные экранизаторские действия. И, наверное, лишь поэтому жюри единогласно присудило «Жестокому романсу» главный приз фестиваля «Золотой павлин». Конечно, устроители киносмотра допустили ошибку, что не ввели в жюри парочку докторов филологических наук. Уж они бы там всем открыли глаза.

Я лично убежден, что высшую награду фестиваля нам дали потому, что в жюри был умный и обаятельный Наумов, который очень пристрастно представлял интересы нашей картины. Наумов же считает, что присуждение приза случилось потому, что «Жестокый романс» был этого достоин. Спорить мне с ним по этому поводу как-то трудно, да и не хочется. И тем не менее конфликт наш с ним, как видите, попросту неразрешим...

Когда на торжественном закрытии фестиваля мне вручали «Золотого павлина», я, как человек деликатный и воспитанный, поблагодарил жюри. А потом попросил разрешения у присутствующих поцеловать руку председателю жюри, популярной французской актрисе Жанне Моро. Публика одобрила мое намерение, а сама Жанна Моро вскочила с председательского места и протянула мне не только руки, но и губы. Я не преминул этим воспользоваться. А потом объяснил залу, что сделал больше, чем обещал...

Меня многие спрашивают, действительно ли приз сделан из золота. Не скрою, мне очень хотелось задать этот же вопрос устроителям фестиваля, но врожденная тактичность не позволила этого сделать. Так я и живу — в полном неведении. Однако, судя по величине приза (а он довольно здоровый), думаю, что он все-таки всего лишь позолочен. Но дареному павлину, как говорится, в зубы не смотрят...

Прямо с закрытия кинофестиваля в парадном костюме, прижимая к груди симпатичную птичку, я устремился в самолет и через несколько часов приземлился в утренней морозной любимой Москве. Настроение у меня было замечательное. Прошло две недели после Нового года, и я надеялся, что критические «страсти по Эльдару» закончились. Но выяснилось, что я недооценил потенцию критики и литературоведения. Дискуссия оказалась такой же бесконечной, как шахматный матч Карпов — Каспаров...

Что в заключение можно сказать о фестивале, где твоя лента получила главный приз за лучший художественный фильм? По-моему, только одно: это лучший кинофестиваль! Кстати, я теперь знаю, как пишется и произносится слово «павлин» по-английски.

Эльдар РЯЗАНОВ.